

Последний гардемарин

Лев Вяткин

«Я один из тех, кто видел комету Галлея дважды, — говорил он в кругу друзей, — и хорошо ее запомнил среди звездного 1914 года, когда глазел на небо с площади перед таможней в Кронштадте. Было много разговоров, но не столько о том, что комета своим хвостом сметет с Земли все живое, сколько о плохом предзнаменовании, скорее всего — к войне. Говорили, что следующий ее визит — через 76 лет, но это казалось настолько далеким, что и не думалось о встрече. В 1990 году комета Галлея прошла сравнительно близко от Земли...»

Недavno я побывал с очередным визитом у дочери последнего гардемарина Российского флота Бориса Борисовича Лобач-Жученко Таисии Борисовны Горяевой.

Старый моряк четыре года не дожид до своего 100-летия к большой скорби близких друзей-моряков и тех знакомых, кто за глаза называл Бориса Борисовича для краткости, но с любовью «Бе-Бе». Дворянин, потомок знатного украинского рода, известный историк и ученый эту дружескую фамильярность воспринимал снисходительно и с явным удовольствием, посмеиваясь, вспоминал, что правнучка звала его «Бебешка», и это было самое первое слово, с которого она выучилась говорить.

С дочерью мы принялись рассматривать фотографии почти столетней давности, где оказались неизвестные снимки Амундсена, Нобиле, альбомы и столь же «древние» письма-раритеты с четким штемпелем «ПОРТ-АРТУР», датированные 1900–1903 гг.

Потомственный моряк Борис Борисович Лобач-Жученко родился 17 ноября 1899 года. При нынешней средней продолжительности жизни мужского населения страны, равной 54 годам, его земная жизнь кажется «мафусаиловым веком».

В последние годы Борис Борисович много размышлял о прожитой жизни, писал воспоминания, учебные пособия по теории и практике парусного флота, организации и судейству парусных соревнований. На этих книгах выросло не одно поколение яхтсменов. На Балтике он организовал яхт-клуб ВМФ, поскольку всю жизнь был приверженцем «паруса» и каждое лето совершал походы на яхтах (в 1924 году был первым победителем первенства СССР по парусным гонкам на 6-весельных ялах). На веслах и под парусом он начал ходить еще будучи мальчишкой. Об этом времени он охотно и не без юмора рассказывал, не скрывая и того, что за мальчишеские проказы не раз подвергался аресту на гауптвахте. «Вообще-то попадало мне поделом. И, надо ска-

зять, что в то время, например, неудовлетворительная отметка, не исправленная на неделе, автоматически лишала гардемарина увольнения в ближайшую субботу. Эта мера неплохо действовала на многих и заставляла «грызть гранит морской науки», попутно отучая от лени...»

Вспоминал Борис Борисович и такой «гардемаринский» эпизод: «Во время учебного плавания в 1914 году на трехмачтовом парусно-паровом крейсере «Верный» я стоял на вахте сигнальщиком, когда «Верный» вышел из Кронштадта в Финский залив и, глядя в сильный «цейсовский» бинокль, обнаружил идущий навстречу буксир «Пчела» с баржей. Спустившись на шканцы, доложил вахтенному начальнику: «Господин мичман, слева по носу буксир «Медведь» с баржей!» Название буксира я изменил из озорства, поскольку в юности многое смешит. Видимо, это происходит потому, что вся жизнь впереди и кажется почти бесконечной...

Когда буксир поравнялся с «Верным», мичман, не будучи «чуркой с глазами» на вахте, сразу обнаружил неточность моего доклада. Мое объяснение, что с мостика плохо видно, его не удовлетворило, и он приказал: «Отправляйтесь на салинг до конца вахты, оттуда будет лучше видно».

Но мне недолго пришлось раскачиваться высоко на ветру, держась за снасть. Вскоре на горизонте увидел дымы и несколько кораблей. Свесившись вниз, обрадованно, четко крикнул глазастому мичману: «На вахте, доложите! Впереди по курсу эскадра адмирала Битти!» Мичман, не сразу поверив, послал на марс опытного сигнальщика, и, когда поступило подтверждение моего важного сообщения, послал к командиру корабля доложить об английской эскадре (для этого, оказывается, мы и вышли в залив).

Командир, быстро поднявшись на мостик, сразу спросил, кто первый увидел корабли, и, узнав, что гардемарин-сигнальщик, приказал объявить мне благодарность перед строем. Это случилось незадолго до начала Первой мировой войны, которая уже витала в воздухе...

«Бе-Бе» почти всегда был окружен молодежью, поскольку имел дар товарищеского общения не только с яхтсменами-моряками и летчиками (он имел звание еще и штурмана морской авиации), но и опыт преподавания в вузе. Как прирожденный лидер он был строг, но справедлив к подчиненным.

Воровство и доносительство не переваривал органически. Рассказывал, как гардемарин Войнаровский, отпрыск знатной дворянской фамилии, однажды уличенный в мелком воровстве, по требованию гардемаринов был немедленно отчислен.

Доносительство, считал Борис Борисович, способно разобщить не только любой коллектив, но и разрушить целое государство. Он вспоминал: «В 1988 году, при посещении Ужгорода, мне пришлось после лекции о писательнице Марко Вовчок (я работал над ее биографией) беседовать со студентами. Меня волновало и интересовало восприятие молодежью событий в стране. В частности я узнал, что в институте сохранилась система доносов, осуществляемых через назначаемых «информаторов».

Для иллюстрации о мерзости доноса я поведал им историю, случившуюся в лейб-гвардии еще в прошлом веке. Капитан одного из полков, расквартированного в захолустном городке, доложил командиру, что знает о существовании тайного офицерского кружка, в который входил

и его родной брат. Список он обещал передать только в том случае, если его переведут в гвардию.

Рапорт был передан по инстанции. Кружковцы были арестованы и осуждены, а капитан откомандирован в Петербург в лейб-гвардию. Однако случился конфуз: ни один из гвардейских полков не дал согласия на прием офицера-предателя в свою среду. В то время требовалось согласие офицерского состава полка на прием нового офицера, как на флоте — согласие кают-компании на назначение офицера в экипаж корабля...

Доносительство и ябедничество во времена «Бе-Бе» презиралось. Поэтому характерен и другой рассказанный им эпизод о послереволюционном времени.

Граф Ламсдорф-Галаган был схвачен чекистами и приговорен к расстрелу. Когда его поставили к стенке, чекисты предъявили ему фотографию князя Н.Д.Жевахова и потребовали сообщить его местопребывание взамен на жизнь. На что граф заявил, что гвардия Его Императорского Величества предательства не допускает и смерти никогда не боялась. Такой ответ, произнесенный с достоинством и четко, ошеломил чекистов, и... они отсрочили казнь.

«Бе-Бе» был уверен, что в студенческой среде необходимо соблюдать заповеди-законы товарищества, как и девиз: «Один за всех и все за одного». А в 1929 году по Москве ходили трамваи с призывами «Помогайте лишать права голоса!». Это означало, что если вы донесете на соседа по квартире как на «контру», то он будет лишен права голоса на выборах. А это повлечет за собой лишение его продовольственной карточки, увольнение с работы, исключение из рабфака (если студент)...

Борис Борисович хотел подготовить молодых людей к будущему. Мысли о будущем его обжигали... Он говорил: «Для того чтобы узнать, что такое человеческая жизнь, нужно пережить много людей и пережить немало событий. Самых разных».

...В краткой аттестации по службе в царском флоте его отца, Бориса Михайловича, инженера-механика флота, значилось: «Из студентов, атеист». В аттестации, данной в советское время (1922 год), при оставлении им военно-морской службы характеристика его была так же кратка и категорична: «Из офицеров, ходит в церковь»...

Вероятно, он был верующим всегда, поскольку был из православной семьи. Когда посещение церковных служб в советском государстве стало считаться чуть ли не первым признаком «идейного врага», его вера обострилась. В церковь он стал ходить открыто, не таясь от властей и доносителей. Человек умный, много повидавший, он отлично понимал, что его сыновей Бориса и Михаила, дочерей Елизавету, Марию и Екатерину ждут впереди великие испытания и невзгоды, и вера в Бога давала надежду, что они выживут, душевную крепость...

В годы сталинских пятилеток он как инженер восхищался грандиозными стройками, но не раз повторял в тесном семейном кругу: «Система-то хороша, но плохие исполнители!» Просматривая историю, «Бе-Бе» обратил внимание, что она большей частью представляет собою зрелище весьма постыдное для человечества, поражает незначительным количеством идей рядом с колоссальным количеством разнообразных и невероятных фактов. Ведь с идеей построения коммунистического общества мы прожили 74 года. Хотя и в

1914 год. Борис Лобач-Жученко (Бе-Бе) — гардемарин морского корпуса в Санкт-Петербурге

малой доле, но и «Бе-Бе» участвовал в создании этой истории и старался в меру сил не давать ей быть безобразной. Сам Борис Борисович арестовывался дважды: в 1918 году в Саратове и в 1927-м в Ленинграде...

Он любил людей, и они платили ему тем же. Однажды зимним январским днем я провожал «Бе-Бе» до метро. Было скользко, тротуар песком не посыпали, и ходить по улице, особенно пожилым людям, в Москве было опасно. Шли не спеша. Сверху сыпал мелкий снежок. «Бе-Бе» был задумчив, тяжело вздыхал (ему уже тогда было за девяносто), размышлял вслух: «Мне надо успеть закончить воспоминания о своем времени и людях, которых повстречал на своем веку. Но вот беда: не знаю, как поступить. Я с удовольствием пишу о хороших людях, с которыми меня свела когда-то судьба! Однако видел я и много мерзавцев. Как быть с ними? Древние римляне придерживались мудрого правила: о мертвых либо хорошо, либо ничего. Выходит, я должен о подлецах помалкивать?»

Вопрос адресовался моей персоне и показался мне действительно забавным и неожиданным. «По-моему, надо писать, как было, то есть правду, пусть горькую». «Так-то оно так, — вздохнул «Бе-Бе», — но и с правдой можно далеко утопать. Правда у каждого своя...»

Неожиданно его лицо просветлело, и он оживился от пришедшей на ум новой мысли: «Между прочим, я давно заметил, люди власть имущие под выражением «сказать правду» всегда полагают, что это для них что-то совершенно ужасное! Это выдает их опасения, что их могут разоблачить или уличить во многих смертных грехах...»

Через некоторое время «Бе-Бе» передал мне объемистую

рукопись своих воспоминаний с просьбой внимательно прочесть, сделать поправки и выразить свое мнение. Рукопись я прочел не отрываясь. Ничего «поправлять» не пришлось. Ни единого слова! Опечаток почти не было, мысли ясные, четкие, события описаны прекрасным русским языком, ныне почти забытым.

О себе Борис Борисович писал с подкупающей самоиронией и с большим чувством юмора. В целом же рукопись потрясала! Сила ее заключалась в том, что «Бе-Бе», умирая вместе с XX веком, знал, что он не уничтожается, не исчезает, что он всю жизнь старался совершенствоваться в добре и содействовал улучшению жизни...

Под конец жизни он делился многими мыслями с друзьями и приятелями в «Клубе капитанов». «Бе-Бе», как я уже говорил, был прирожденным организатором и лидером. С ним всегда было интересно. Он не устал повторять, что тихая жизнь без взволнованности расслабляет.

«Клуб капитанов» был его последним организаторским всплеском. Когда подкатило время и по состоянию здоровья он уже не мог совершать плаванья на яхтах под парусом и вынужден был оставаться дома, в городе, он из друзей, приятелей и просто знакомых создал этот интереснейший клуб. Написал устав клуба, возродив многие старые традиции кают-компаний.

В клуб принимали всех желающих, без различия пола, возраста и вероисповедания. Это было самое демократичное собрание людей, от которых требовалось одно — быть интересным человеком!

Для желающих вступить в «Клуб капитанов» необходимо было сдать своеобразный экзамен (тест): суметь рассказать что-то интересное из своих приключений, впечатлений от путешествий, странствий, показать слайды, сопроводив их комментариями, фотографии, рисунки и пр. Сдавшему экзамен присваивалось звание «юнга» и разрешено было являться на собрания, участвовать в обсуждениях, быть активным и деятельным не только за столом, но и в делах клуба. После чего общим решением присваивалось звание «капитан».

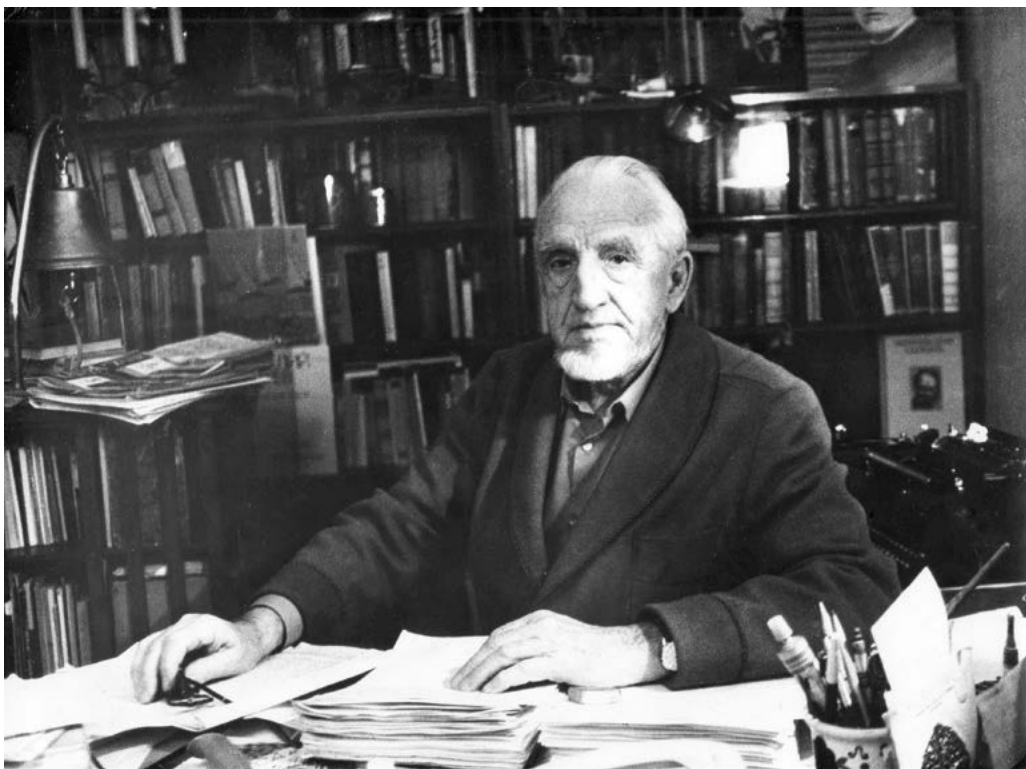
На заседания «капитаны» являлись с женами, несли с собой для кают-компаний закуску, шампанское и торты, непременно собственного приготовления, а не покупные. «Бе-Бе» считал, что женщины должны показывать мужчинам свое кулинарное мастерство, которое женщин украшает почти так же, как и младенца на руках...

Перед застольем приготавливали прог из легких вин или коктейль. «Бе-Бе» садился во главе стола на «адмиральское место» и, открывая очередное заседание, держал речь, усыпанную элегантно остроумными и

одновременно торжественную, выдержанную в духе петровских указов. Присутствующим запрещалось быть «скучным снобом» и подлежало следовать девизу: «Один за всех и все за одного!»

В «Клуб капитанов» отовсюду стекались люди необыкновенные: путешественники, ученые, врачи, писатели, моряки, летчики... Каждый имел свой неповторимый колорит, а точнее — Космос. Например, Любовь Ковалевская — поэтесса и журналист. За два месяца до аварии на Чернобыльской АЭС она побывала там, после чего в газете «Ленин-

градская правда» опубликовала большую статью, где рассказала о вопиющих нарушениях строгих инструкций по эксплуатации атомной электростанции со стороны должностных лиц (начиная с директора АЭС, не знавшего даже элементарных законов физики) и предсказала возможную катастрофу (специалисты АЭС рассказали ей, что работы на реакторе ведутся с отключенной системой аварийного прекращения ядерной реакции в энергоблоке).

За «разглашение государственных секретов» Ковалевскую стали таскать по инстанциям. Когда 4-й энергоблок АЭС взлетел на воздух, перепуганная власть сразу признала критику своевременной, а смелая журналистка помчалась в Чернобыль и ежедневно передавала потрясающие репортажи о героизме пожарных с места катастрофы.

Капитанами клуба были ученый ЦАГИ Николай Занегин, приезжавший на заседания клуба из города Жуковского, и известный писатель-маринист Н.А. Черкашин. Последний однажды рассказал о своих исследованиях причины гибели линкора «Новороссийск». Его рассказ, со слов очевидцев трагедии, потряс слушателей и особенно «Бе-Бе», который, будучи моряком и ревностным хранителем традиций русского флота, особенно переживал это печальное событие, как и гибель атомной подводной лодки «Комсомолец» в Северном море. Причина была одна — некомпетентность начальства. «Нет глупцов более несносных, чем те, которые не вовсе лишены ума, — сокрушался Борис Борисович, цитируя Ларошфуко. — Еще мой отец в августе 1933 года пытался доказать специальной комиссии, обсуждавшей вопрос годности ледокола «Челюскин» к длительному плаванию в Арктике, что, к сожалению, судно малоприспособлено для суровых условий Заполярья, поскольку имеет корпус, который может не выдержать сжатия во льдах. Кроме того, «Челюскин» имел слабые паровые котлы, которые при преодолении тяжелых льдов не позволяли увеличивать давление пара до оптимальной величины».

Вскоре, как известно, «Челюскин» был раздавлен льдами. «Дураки и бюрократы — сила страшная, но их можно распознать по классическим приметам: они сердятся без причины, говорят без нужды, вмешиваются в то, что вовсе их не касается, и не умеют различить, кто желает им добра, а кто зла. Моего отца тогда же, без объяснения причин, вычеркнули из списка, и в последующей эпопее он не участвовал».

Заканчивая повествование о последнем гардемарине Борисе Борисовиче Лобач-Жученко, следует сказать, что его отец по возвращении с Соловков преподавал в Московском машиностроительном институте им. Баумана, издал десятки учебников и научных статей, выступал по радио, объездил с лекциями добрую половину Европейской части России. Умер он 28 мая 1938 года.

Борис Борисович с присущей ему энергией также много трудился во флоте и на ниве просвещения. Им написаны превосходные книги о своей бабке, классике украинской литературы Марии Александровне Маркович, известной под псевдонимом Марко Вовчок, не говоря уже о многочисленных статьях в журналах и сборниках о парусном спорте и главах из своих воспоминаний.

До самого последнего дня он был деятелен, его мозг не давал сбоев, и он, отлично понимая, что его долгая жизнь близится к естественному концу, как истинный философ с удовлетворением говорил, что ему есть что завещать своим потомкам и друзьям...

«В бытность мою гардемаринком я имел свой личный номер 42, считал его счастливым и запомнил на всю жизнь. И если мне на том свете придется предстать перед апостолом Петром, я, наверное, закончу свой рапорт словами: «Докладывал новопреставленный Борис Лобач-Жученко, номер сорок два!»»

Фото из семейного архива Лобач-Жученко